

С. Весто
ПЛЕСК, КОТОРЫЙ
ЖИЛ В КОЛОДЦЕ

о природе хорошего

С. Весто
ПЛЕСК, КОТОРЫЙ ЖИЛ В КОЛОДЦЕ
о природе хорошего

 senvesto.com

Любое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. *For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.*

© **S. Vesto.** 2009

© **S. Vesto.** graphics. 2009

Новогодняя сказка

1

Однажды в далеком-предалеком звездном скоплении жил-был гарпий. Гарпий был как гарпий, у него имелись острые глаза, и он умел ими видеть, у него случались интересные мысли, и он думал, что в его положении это уже немало и даже почти хорошо. У него был даже большой глубокий колодец, в котором можно было сидеть и смотреть на звезды, как они висят и тоже молча смотрят на тебя, а потом засыпать, зябко кутаясь и ежась под их холодными взглядами. Единственное, чего у него не было, это достаточно отдаленных перспектив, которые позволили ли бы по-новому взглянуть на то, чего у него уже никогда не будет. Ему не доставало совсем немногого, всего лишь только одного-двух, может быть, трех хороших ударов мощным крылом, чтобы все встало на свои места. И тогда бы он поднялся над обстоятельствами. Немножко везения, лишь одна возможность сделать полный, не оставляющий сомнений вдох, до конца, до самой глубины своих легких – и уже ничего будет не вернуть назад. Но такой возможности не предвиделось, ни сейчас, ни позднее, и он терпеливо смотрел туда, где совсем черная тяжелая крыша ночи неизменно

нарушалась одним и тем же странным изъяном – маленьким правильным квадратиком вечно далекого синего неба. Звезды отсюда снизу смотрелись особенно хорошо. В общем, жить было можно.

До сих пор наиболее неприятным и достаточно серьезным испытанием оставалась вода. Она была холодная. Она всегда была холодная, все время, сезон года ее не касался, она не желала прогреваться, ни днем, ни ночью, эта темная, неподвижная, пахнущая колодцем и погребом субстанция, никогда не видевшая солнца, придавала некоторое подобие жизни каким-то бледным съезжившимся грибам по углам и влажному мху на полусгнивших бревнах стен. Вечно замерзающая вода и убитые горем грибы на стенах не позволяли надеяться на слишком многое. Он и не надеялся, здесь уже не оставалось места, на что-то надеяться, и он часто смотрел на скользкую скупое отражающую поверхность, на скользкие бревна с неизменным мхом, пытавшимся по ним куда-то ползти, на маленький невыносимо далекий прямоугольник чужого неба далеко вверху, размышляя, чем все кончится и кончится ли когда-нибудь. В целом намерения мха однажды в конце концов добиться успеха, концепция его общего замысла по своему даже вселяла симпатию: путь предстоял неблизкий. Он смотрел туда, где кончались стены и начинался день, пробуя в мыслях представить, на что вообще похож такой на вид теплый сияющий мир сверху, и предполагая, что реальность на деле может оказаться несколько иной. И он хотел бы это узнать. Он дорого бы дал, чтобы в один прекрасный ясный день проснуться и не увидеть вот этих стен и этой воды. Но его когда-то живое подвижное воображение дальше все тех же нескончаемых скользких черных бревен и мерзлой воды видело снова скользкие бревна и черную от холода воду, и он снова опускал глаза, уговаривая себя, что нужно не страдать, а заняться делом, не давать опостылевшей воде превратиться в лед. А такая опасность висела над его колодцем, как проклятье. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, он отламывал замерзшую кромку и сосал ее, как сосут карамельку; после периода долгих дыхательных упражнений и плесканий в ненавистной воде, наступал период относительного равновесия того, что было, и того, что хотелось бы, чтобы было, но чего никогда не было. Потом вода остывала снова, и он начинал сначала.

Наверное, он и смог вообще выжить тут до сих пор потому, что отсюда он всегда, почти в любое время мог необыкновенно отчетливо и ясно видеть звезды. Тут попросту больше не на что было смотреть. Ясные далекие светлячки туманностей и галактических скоплений висели над колодцем днем и ночью, в силу какого-то загадочного закона природы они медленно и неохотно меняли свое местоположение, всегда в одном и том же направлении, словно колодец кто-то медленно-медленно поворачивал, не то давая возможность насладиться просторами недостижимого, не то предоставляя ему возможность выбора сферы для приложения сил, на чем в конце концов остановить свое внимание. И когда, еще осторожно и с недоверием, подключая свое воображение, он пробовал расширить привычные рамки данных ему представлений за видимые границы колодца, у него получалось столько, что его дыхание невольно приостанавливалось и начинало сильно биться сердце. Он не мог понять, почему.

Этот маленький, недостижимый, невыносимо аккуратный квадратик синего неба составлял все его богатство. По какой-то причине, то ли из-за чьего-то нехорошего умысла, то ли в силу еще какого-то закона природы, но всякий раз случалось так, что он не мог видеть, как заходит солнце и на что похоже утро: день обходил этот колодец стороной. Он только

догадывался, что это должно быть красиво. Больше того, тут было над чем подумать. Он строил предположения, он раз за разом рисовал в уме загадочные рассветы и неестественно далекие горизонты, как до них дойти – он не знал, да и не это в них было главное, лишь бы только они где-то были. Неважно, где, когда и как далеко, но только бы они где-то были. И когда он так думал, ему немножко становилось легче. Он давно уже ни на чем не настаивал.

Когда сверху принимался капать дождь, звезды обычно куда-то исчезали, в том состояла какая-то неявная закономерность, которой еще только предстояло быть раскрытой. И он терпеливо смотрел, как медленно падающие капли опускаются мимо, медленно погружаясь в темную криво отражающую поверхность и лениво поднимая отвесно вверх скучные одинаковые фонтанчики полумертвого покоя, ожидая, когда все это кончится и снова станет тихо. Потом над колодцем снова повисали звезды, и на них снова можно было смотреть часами. Они чем-то притягивали, было в них что-то такое, чего не было в этой мерзлой воде и полусгнивших стенах. Он не мог бы объяснить, почему так. Будто они горели для каких-то совсем других звездных миров, где не было колодцев, полумертвой плесени и скользких стен. Колодец, стены и эта вечно холодная темная вода не имели к тем звездным скоплениям отношения. Он не мог этого понять. Иногда он думал, что в другое время, при других обстоятельствах, сложись все иначе, вот эти медленно подающие откуда-то сверху гулкие капли прозрачной воды могли бы быть даже красивыми, составляя часть особого тихого антуража. И он пробовал представить себе горизонт таких условий, где бы это было красиво. У него получалось так хорошо, что он невольно улыбался и смотрел наверх немножко другими глазами. Погода там менялась, временами ночь наступала прямо посреди дня, без предупреждения, там что-то с грохотом падало, да с такими последствиями для окружающей среды, что они отдавались прямо здесь на поверхности воды. Он от удовольствия даже качал подбородком. Кому-то там приходилось не сладко. Тут не менялось ничего. Там со звоном и лязгом что-то куда-то врезалось, что-то, слепя, сверкало, с парализующей воображение скоростью раскалывая мрачные низкие небеса надвое и расставляя всем последние точки, - он только смотрел снизу вверх с блестящими глазами и тихим сладким стоном. Ему зачем-то тоже нужно было туда. Будто там был его дом и дом его походил на него. В такие минуты падавшая оттуда вода оставляла у него на глазах след чуть дольше обычного, он тоже не знал, почему, вокруг становилось совсем тихо, но он не видел уже этих стен и стилой черной от ужаса воды, их не было. Он закрывал глаза, стараясь не дышать и хотя бы ненадолго, хотя бы на расстояние одного электрического разряда сохранить в себе и своей неподвижной памяти то, что у него стояло сейчас перед глазами, - слепящие, торжественные нити смерти, без всяких вступлений аккуратными порциями, исполинским пауком встающие над миром, и их завершение, сопровождающееся поминутным грохотом падающих небес и неторопливым шуршанием дождя. Ему было в такие минуты почти хорошо. Будто кто-то говорил с ним, рассказывал ему о его доме и как он там нужен, уговаривал его и сердился, что он не отвечает ему. Он вытирал глаза и закрывал их руками. «Возвращение». Он не знал, что это значит.

Он не мог бы сказать, как здесь оказался и что он тут делал, почему из всех в принципе возможных мест пребывания он выбрал именно это. Иногда ему казалось, что этого понятия *раньше* вообще не было, а была

только вечно холодная вода и скользкие от вечной сырости стены, а все остальное только продукт его сошедшего с колеи воображения. Где-то там у себя внизу, далеко на подсознательном уровне он уже понял, что до конца теперь уже недалеко, скоро все кончится, выхода отсюда нет, для него он попросту не предусмотрен, и, чтобы не сойти с ума, его сознание начинает уклоняться в крайности, призывая на помощь экстремальные меры, всякого рода вытеснения и защитные механизмы. Это было похоже на правду, он с каждым разом убеждался, что все это так. Он немного удивлялся в такие минуты, ему действительно казалось странным, откуда он знал такие вещи и такие слова, про солнце, которое никогда сюда не заглядывало, про горизонт и рассвет, но сил по-настоящему испытывать удивление уже давно не было. Он больше не чувствовал вкуса апельсина. Весь мир состоял из одних сгнивших, скользких, уходящих куда-то вдаль одинаковых бревен и воняющей холодом воды. Еще раньше ему вдруг приходило в голову, что в том как раз все и дело, что стоило только сделать над собой усилие, заставить себя собраться в последний раз, суметь вспомнить все, всю исходную цепь событий, как все само собой встанет на свои места – и выход откроется перед ним сам собой. Но было холодно, окружающий мир состоял из одного холода, и у него не получалось думать так долго. И он снова открывал глаза и поднимал взгляд, решая для себя, там ли еще маленький далекий квадратик синего света и звезд в нем. Он дорого бы дал, чтобы суметь оказаться там.

Самое страшное начиналось с наступлением холодов, когда его колодец вместе с дном превращались в маленькое подобие мертвого ада и вода постоянно норовила покрыться коркой непробиваемого льда. В такие периоды хотелось закрыть навсегда глаза, но спать было нельзя. Еще иногда там, над далеким краем колодца вдруг зачем-то склонялись любопытствующие очертания каких-то шутов с бубенцами и деревянными бусами в пальцах. Заслоня последний свет дня, они принимались напряженно разглядывать, выискивать отдельные подробности того, что делалось под ними внизу. Что-то как будто привлекало их тут. Эти иногда кидали вниз пустые жестяные банки из-под пива, стараясь попасть или просто достать, иногда они этого не делали, только встряхивали зачем-то деревянными бусами, просто глядели, как глядят вдаль, ничего не видя, потом аккуратно плевали, бросали в него кости и камушки – он давно уже не надеялся найти на том, что падало, какие-нибудь сохранившиеся по недосмотру объедки или что-то минимально представлявшее ценность, кормить его там явно не собирались и старались соблюдать в этом вопросе крайнюю осмотрительность. Было еще хуже, когда оттуда бросали бутылки из-под пива, создавая серьезную угрозу глазам, – почти каждая разлеталась во все стороны сериями острых граней, больно ранила и нанося долго не заживающие повреждения, покрывая дно колодца торчащими зубьями, так что на дне давно уже нельзя было ни стоять, ни лежать; пару раз он по недосмотру начисто лишился сознания, так и не успевая понять, что оттуда бросали; он пробовал прикрываться и прятаться, он старался на глаз и путем расчетов определить примерное соотношение расстояний, какой из углов по статистике подвергался меньшей опасности, потом он уже просто нырял под воду, задерживал дыхание и терпел, сколько мог, делая вид, что уже умер. Иногда это помогало. Он теперь почти не мог долго спать, просыпаясь от первого шороха, готовый в любое мгновение задержать дыхание, притвориться мертвым, уйти на дно. Он не пытался понять, зачем там поступают так или иначе, ему это не было интересно. Кажется, там бросали что-нибудь сюда только потому, что колодец притягивал их представления о возможном своей глубиной: только здесь и

только сейчас они могли со всей доступной им наглядностью и убедительностью увидеть, насколько они высоки: им был нужен этот колодец.

/.../

Купить *С. Весто. Плеск, который жил в колодце. О природе хорошего* (входит в книгу «Отраженные сумерки. Саги»):

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com